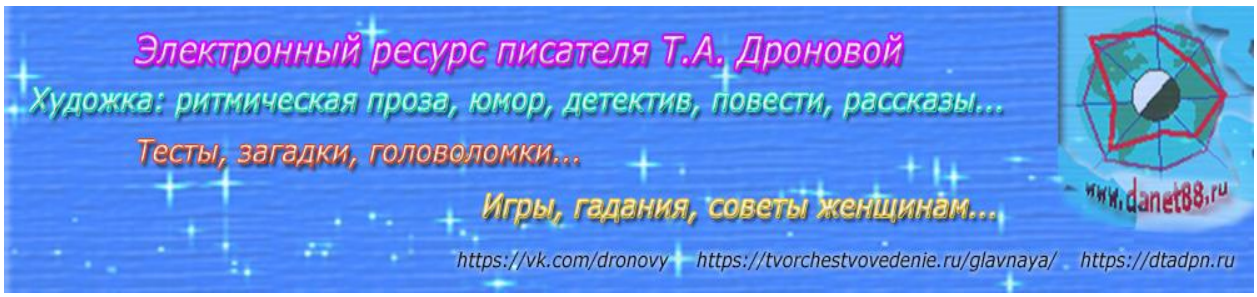

Краткая справка об авторе:

Дронова Татьяна Александровна – главный редактор научно–практического электронного журнала «Психология и педагогика творческой деятельности», писатель, доктор педагогических наук, профессор, доцент общей психологии и психологии труда.

Ввела понятие: интегрально–креативный стиль мышления (ИКСМ). Создала, разработала и обосновала концепцию о возможности и необходимости его формирования в процессе личностно–профессионального становления специалистов в современных условиях.

Более ста шестидесяти научных работ, опубликованные в журналах, сборниках, шесть монографий, одна переиздана дважды, четыре книги художественного направления. Основное направление научных интересов – закономерность творческих процессов, психолого–педагогические аспекты образования.

Прошу ссылаться на эту работу следующим образом:

Дронова Т.А. Песнь неспетая [Электронный ресурс] /Т.А.Дронова //Электронный ресурс писателя Т.А. Дроновой: URL: https://danet88.ru/index.html – 2026– режим доступа свободный. – Заглавие с экрана.

Библиотека на сайте: https://danet88.ru

Житейские истории

Литературные произведения различных жанров и форматов

Камин

Черная быль

Журнал ДаНет

Для женщин

Т.А. Дронова

Песнь неспетая…

Концерт начинающей певицы завершался. Зал хорошо принимал юную диву. Это был ее сольный выход. Она была счастлива, хотя ни поклонников, ни безумных оваций не было. Но уже был один юркий журналист, который не сводил с девушки свою камеру.
– Не мельтеши, – отодвигал его мужчина, сидевший в первом ряду.
– Я тележурналист! – гордо объявил парень. – Должен взять интервью! – И презрительно подумал: «Приперся, болван старый».
Через час с небольшим они встретились в кафе. Раздосадованный неудачей репортер зашел в бар и увидел «старого болвана».
– Можно задать вопрос? – подсел он к нему.
Ответа не последовало.
– Я хочу сделать передачу о Клавдии. Мне интересно…
Мужчина встал и ушел. Парень расстроился: у Клавдии интервью не взял, со стариком не поговорил. Пустой вечер. Фортуна отвернулась. А ему жизненно необходим репортаж.

На другое утро в кабинете главного редактора центрального телевидения Энска молодой тележурналист уговаривал шефа:
– Вы же знаете, как нужен мне этот репортаж! Договоритесь, чтобы она дала мне интервью.
– Как? Если она не хочет? И что интересного ты о ней напишешь? Эпитеты, сравнения… Нет там еще ничего! Твои восхищения никому не нужны
– Но шеф! Прошу…
– Постой! Там другое зерно имеется. Ее выводит Евгений! Вот у кого взять бы интервью!
– Кумир моих родителей, на самом пике, который сцену бросил? Вы о нем?
– О нем. Евгений из нашего города, здесь у него все и началось и закончилось.
– Родители говорили, что он спился, умер.
– Не знаю. Может, и пил. Трагедию он пережил серьезную, весь город тогда говорил об этом.
– А почему со сцены ушел?
– Вот это бы и узнать. Все думали, что временная блажь, и он вернется. Певец от Бога! Долго ждали. Не вернулся.
– Я согласен взять интервью у Евгения!
– Вопрос: как? Он ни с кем не общается. А через кого на него выйти, ума не приложу?
– Через профессора консерватории. Вы такую классную передачу о нем сделали.
– Ты о Станиславе Викторовиче? А каким он боком к эстраде?
– Вдруг, они знакомы.
– Откуда? Хотя Евгений, кажется, учился в консерватории.
– Звоните! – Другой зацепки нет. Сами учили: использовать для дела все!

Через час в старой «сталинке» в центре Энска зазвонил телефон. Немолодой мужчина с удивлением взял трубку (городской давно не звонил).
– Здравствуй, Евгений! Это…
– Я узнал Вас, Станислав Викторович. Очень рад слышать!

– Звоню по просьбе, извини…– голос звучал далекой музыкой, он убеждал дать интервью молодому тележурналисту, который восхищался ученицей Евгения. – Девочке это может помочь. Да и парню. Говорят, талантливый.
Он не мог отказать Станиславу. Но и вернуться в прежний мир так сразу тоже было нелегко.
– Довольно неожиданно, – сказал после небольшой паузы. – Позвольте мне подумать.
– Конечно.

Евгений положил трубку. Подошел к портрету красивой женщины:
– Звонил Станислав. Убеждает дать интервью. Когда–то я любил давать интервью. Но все они были для тебя: хотел, чтобы ты увидела, услышала, поверила… – притронулся он к Памяти, и она развернула свиток:

«…О нем тогда много писали. Он был звездой. Все концерты – аншлаговые. Тот не был исключением.
– Евгений! Женька! Еще! – скандировали облепившие сцену фанаты, не давая ему уйти.
– Концерт окончен! – вышел Артем. – Остальное завтра. Ждем всех. Не забудьте купить билеты!
Взъерошенный зал не расходился. Наиболее юркие метнулись за кулисы, облепили гримерную. Но знающий их повадки Артем заранее продумал выход.
– В гостиницу или кутнем на иной территории? – спросил Артем, когда уже сидели в машине.
– Без разницы, – ответил Евгений.
Пиджак валялся рядом. Артем захватил его на случай, если они решат куда–то поехать. Он помнит, как смотрел на пиджак, словно приклеенный. Видно, чувствовал исходящую оттуда энергию. Когда увидел уголок белой бумаги, потянулся к нему и вытащил записку.

Развернул:
Лера больна. Надежды на выздоровление нет. Если хочешь увидеть – ПОСПЕШИ! С.В. И подпись. Он хорошо знал ее.
– Это что? – протянул он записку Артему. Шутка?
Артем побледнел.
– Не шутка. Ты знал?
– Как сказать, – начал юлить Артем.
– В гостиницу.
В гостинице Евгений какое–то время сидел, пытаясь сообразить, что ему делать, чувствуя как капают минуты, секунды, утекая, исчезая… Не у него! У нее…
– Почему не сказал?
– Испугался. Мы из–за нее уже теряли контракты. Она владеет тобой! Она – разрушительница…– вдавился Артем в кресло.
– Ключи, – подошел он к Артему.
– Завтра концерт! Билеты проданы… Все…
– Ключи! ….»

– Станислав тогда сам приезжал, – сказал он Лере. – Но Артем, подлец, не дал ему со мной встретиться. И Станислав Викторович сделал то, что он никогда не делал: тайно вложил записку в карман пиджака. Он знал, что я не расстаюсь с тем пиджаком, его мне подарила ты.

«…Потом была дорога сквозь города, деревни, леса, поля… Ночное шоссе было пустым. Появлялись иногда огни, приближались, проносились. Он фиксировался только на скорости. Гнал, зная, что с ним ничего случиться не может, пока он не увидит ее. Изменить это не под силу никому!

Он чувствовал, что мир предал его. Мир, для которого он пел и жил, в который верил – совершил предательство. Сделал это без предупреждения и до чрезвычайности спокойно.

Впервые он увидел Леру совсем мальчишкой. Он тогда мечтал стать знаменитым концертирующим пианистом. И потому учился у Станислава Викторовича, лучшего пианиста города. Евгений боготворил своего учителя.

Он был на уроке, что–то играл, и вошла она!.. И он услышал ее голос. И забыл, что играл. На нотном стане вместо нотной мелочи, ее улыбка, смех, глаза…

У него был большой мир: мама, папа, друзья, девчонки, которые то нравились, то не нравились. Он любил его. Но в один миг многоцветный 17–летний мир сжался до размеров теннисного мячика. А рядом возник новый, безмерный мир, щемяще–прекрасный, в котором была только она.

Тогда впервые он услышал Голос внутри себя:

– Она – твоя судьба, вторая половина наша

– А как тогда учитель мой? Она – его жена!

– Но не его она вторая половина.

В миру людей немало таких тайн…

И Голос замолчал.
– Я не хочу, чтобы она умирала! – закричал Евгений. – Не хочу! Пусть она меня не любит! Пусть она меня никогда не захочет видеть и забудет навсегда! Но только пусть она живет. Живет! Со Станиславом, с кем другим, но только живет!

Неслася боль его через поля, леса… в палату, где она лежала. Любовь сквозь стены, сквозь стекло прошла и обняла… Вдохнула жизнь.
– Улыбается, – удивилась сиделка. – Ей снится что–то хорошее.
– Я не сплю, – прошептала Лера. – Я счастлива.

Мелькали столбы, кусты, деревья… дорога врезалась в купол неба. Когда машина вылетала наверх, чтобы скатиться вниз, возникало чувство, что она сейчас врежется в облака. Улетит. И там будет иной мир… никакой болезни не будет. И там они будут вместе.

– Кому жить в этом мире, как не ей?!
– Считаешь ты, она есть совершенство?
– Конечно, да!
– Но мир не совершенен ваш. В этом беда.

Евгений без остановки мчался сквозь ночь, день, и снова ночь… Наконец! Огни родного города! Но больница закрыта. Ночь только началась.
Ждать до утра Евгений не мог. Недалеко он видел открытый ресторан…

– Нужна гитара, – протянул ребятам пачку купюр.– И вышибалы. Двое.
Втроем они перебрались через высокую металлическую ограду на территорию больницы. Он не знал, где палата Леры. И пошел с песней по кругу, огибая все помещения.
Темный холодный парк бил голыми ветками как погремушками. Жесткий костяной звук отзывался в сердце мыслью, что та, которая стучит, уже обнимает Леру.

– Но что здесь страшного? С рожденья
каждый человек за часом час, минута
за минутой идет к телесному концу.
– Конец телесный, если дряхлым стало тело.
А в ней прекрасна каждая черта!
– У человека, кроме тела, есть судьба…

Заметушились коридорные огни, в темных окнах появился свет и лица. Возмущенные санитары пытались остановить нарушителей. Но…это было предусмотрено. В ту ночь он должен был петь для нее.
Не раз мечтал о ночной серенаде под ее окном, но не мог решиться из–за Станислава. При всей ненависти к сопернику, уважение к учителю пересиливало. Не раз стоял под их окнами, но не запел ни разу.
В ту ночь его песни рвались к ней сквозь окна, стены, двери. Знал, если услышит, обязательно даст сигнал. Он его ждал, искал, всматривался в каждую тень.
Открывались окна. Зажигался–выключался свет, а он пел и пел. Кажется, пошел уже по второму кругу, а, может, по третьему…
Опять открылось окно… Не она. Чужая женщина. Но он понял, что это окно ее. И закричал:
– Лера! Это я, Женька! Я пришел! Я люблю тебя! Всегда любил и буду!
Окно зияло пустотой. Подошедшая медсестра сказала:
– Она не встает. Но она слышит. Пой.
Он пел, пока не рассвело.

Как только открылись двери, кинулся к Лере.
– Будьте осторожны, – начала сестра перед входом в палату. – Она …
Он отодвинул ее и вошел. В стерильно–белой меблировке лежала на кровати женщина. Исхудавшая, изможденная… Евгений растерялся: где Лера? Это был миг, но Лера заметила.
– Это я, ты не ошибся.
– Лера, ты не так…
– Женя, я видела себя в зеркале. Не хотела, чтоб видел ты. Не запоминай меня такой.
– Я люблю тебя,
– Когда мы с мамой шли сюда, встретили знакомую с дочкой. Глядя на меня, она сказала: «Как похожа на Валерию Чернышову». – «Я и есть Валерия Чернышова» – сказала я.
Евгений сел рядом, осторожно взял ее руку, такую тонкую и прозрачную, будто бестелесную. Поцеловал.

– Почему ты здесь? – спросила она.
– Соскучился. Ты уехала, не объяснив ничего, не сказав.
– Прости. Так было надо.
– Почему уехала? Мы хотели быть вместе.
– Думала, больше не увидимся. Думала, унесу с собой…

– Лера! Еще не все потеряно.
– Ничего уже потеряно быть не может. Все просто окончено.
– Не говори так!
– У каждого свой срок, Женя. Мой…
– Нет!
– Не перебивай. Говорить трудно… Не хотела, чтоб ты знал, но рада увидеть … перед тем…
– Не надо… – Ты будешь жить.
– Я любила… тебя… Правда… Многое хотелось сказать…»

– Я очень хотел бы знать, что ты собиралась сказать, – обратился он к ее портрету. – Но ты была так слаба, что я не мог не остановить тебя.

«… Она с трудом произносила слова, задыхалась.
– Я не хотела уезжать… Хотела быть с тобой… но… Ты молод. Слишком, чтоб…– Я не могла повесить на тебя свое больное тело.
– Ты о чём, Лера? Как ты можешь?
– Ты должен петь, Женя. Ты – талант! Я рада, что увидела тебя. – Странная улыбка оживила ее лицо: ты знаешь, что ты очень талантлив. Не вздумай покинуть сцену.
Он вспомнил голые ветви деревьев за окном, их ночной стук.

– Моя сцена, слава, песни – все было только для тебя и ради тебя. – Сказал и страшно испугался: дурацкого «было», как будто впереди уже ничего нет; и что Лера это услышала, и могла понять не так, как он сказал. Евгений поперхнулся, заторопился: – Сцена мне была нужна для победы над твоим мужем, как доказательство, что я лучше, достойнее. Я сцену не люблю так, как тебя. Малолетство свое хотел прикрыть плюсами славы. Мне ты нужна. Я тебя люблю. А ты меня ребенком считаешь. – Он виновато улыбнулся: – мечтал разжечь в тебе любовь, у Станислава Викторовича ревность. Глупо, правда? Хотел сделать ему больно...
– Забавно, – усмехнулась она. – У тебя всё получилось.
– Кроме главного: ты не со мной.
– Я уже ни с кем. Радуйся, что мое больное тело не мешает тебе жить.
– Лера...
– Не бросай сцену. Дай слово…
– Но...
– Дай мне слово, что не бросишь.
– Ты о чем?
– Наши отношения – только наши. А твой талант уже принадлежит людям, лишить их этой радости ты не имеешь права.
– К вам муж, – сказала сестра, пропуская Станислава Викторовича.

Они смотрели друг на друга: учитель – ученик, муж и возлюбленный; соперники, испытавшие в отношениях друг к другу самые различные чувства от абсолютного

уважения до глубокой ненависти, – оба, как в зеркале, увидели боль свою в глазах другого, невзирая на то личное, что еще оставалось внутри. Каждый понял, что только стоявший напротив соперник ощущает то же, что испытываешь ты сам. Общая боль связала их и сделала в тот миг друзьями.
– Ты уже здесь, – сказал Станислав.
– Я подожду внизу, – ответил Евгений и вышел.

Деревья опять стучали голыми ветками. Он глянул на часы. Бездействие терзало нервы. Станислав не выходил. Прождав вечность, глянул опять: всего–то 10 минут. Ещё вечность терзала нервы, глянул: 15 минут.
Не выдержав, Евгений сам пошел искать кабинет главврача.
– Вы должны, – приказал он людям в белых халатах, – спасти ее! – Кто из них был кем, он не знал. Догадывался, что тот, во главе стола, главный.
– Вы – певец Евгений Игнатенко? – уточнил главврач.
– Какая разница, кто я? Скажите, что надо делать? Куда отвезти, какие купить лекарства? Я сделаю все!
– Разница есть, – настойчиво–монотонно проговорил врач. – Если вы говорите о Валерии Павловне Чернышовой…
– Да!?
– Вы не член семьи, я не имею права говорить с вами о проблемах ее здоровья.
– Я приехал спасти её. Привез деньги. Много! Что надо делать?!
– Больная Чернышова вне нашей власти. Ей остались считанные дни. Может, часы.
– И ничего нельзя сделать? Совсем ничего?!!...

Тогда было не до того, но сейчас он подумал: сколько таких кричащих глаз смотрели на врача в том кабинете! И он, как палач, должен был обрубить надежду лезвием слова «ничего».
– Медицина бессильна, – (вот он – топор гильотины!). – Можем только стараться облегчить страдания.

Ветки стучали прямо по сердцу. Остановить этот стук он не мог. И явилась мысль:

– Пусть сгинет все!
– Тогда весь мир уйдет во тьму.
– Мне наплевать!
– Нельзя. У мира есть свои проблемы,
– А я, она... Мы, значит, миру не нужны.
– Нужны. Поверь...

У него были деньги… Он был знаменит, многое мог. А помочь любимой, единственной, ради которой было это всё, не мог.

– Ввели обезболивающее, – подошел Станислав. – Пусть отдохнет.
– Ей очень больно?
– Очень, – прошелестела бесцветная интонация.
– Мы, – Евгений отчетливо выделил «мы», – можем что–то сделать?

– Не знаю, – бесцветно ответил Станислав. – Все испробовали: к бабкам ездили, к дедкам, ни от чего не отказывались: и заговаривали, и колдовали.
Евгений посмотрел на Станислава: осунулся, постарел, усох. От победителя конкурсов, завоевателя сердца любимой, не один год стоявшего на его дороге, преследовавшего и в снах, и в бессонных ночах – мало что осталось.
– А за границу?
– Давай.

Пройдут годы, и Евгений поймет состояние Станислава. Отдав всего себя в беспредельном марафоне борьбы за жизнь любимой, он пришел к финишу совершенно пустым, выжатым беспрестанно увеличивающимися силами противника, который на его глазах из болезни обратился в смерть. И уже смерть, смеясь ему в лицо, уничтожала препятствия, которые он пытался выставить на ее пути; у него на глазах она поглощала любимую женщину, растаптывая его силы и уничтожая их.
Станислав был пуст и почти мёртв. А Евгений приехал только к финишу, он был полон сил и здоровья, и он готов был убить Станислава за его бесцветность.
– Ты что, ничего не собираешься делать?! – закричал он, впервые обратившись к учителю на «ты».

Станислав молча смотрел. Сколько раз за время их мужского поединка они сталкивались взглядами. Первые такие столкновения Станислав даже не замечал, какое ему было дело до взгляда мальчишки. Потом взгляд менялся. А тогда глаза Станислава были неестественно бездонные, в них смешалась боль, усталость и сострадание. Сострадание перевернуло Евгения навзничь.
Он развернулся и пошел… быстрей, быстрей… Домой он уже вбежал. Схватил телефон. Звонил, кричал, требовал, искал. В тот день он поднял на ноги всех, кого мог и даже тех, кто был неподъемным.
Вечером Евгений мчался в больницу с ворохом телефонов, имен, адресов, договоров. Но время Леры исчерпалось…
Он почувствовал это сразу, как только вошел на территорию больницы. А может, кто–то ему сказал?..

Резкий обрыв! Бездонная пропасть как глаза Станислава. И ее бездыханное тело…

– Что изменилось?
–Ничего. В нем только жизни нет.
– А что?
– В нем смерть теперь одна.
– А жизнь куда ушла? Как происходит это?
Все есть, а... нет ее.

Ему не было страшно. Ему хотелось, чтобы она открыла глаза и улыбнулась, мягко, может быть чуть с хитрецой, с лукавинкой за такую неуместную шутку.

Потом был катафалк. Красивое платье. Этот цвет всегда очень шел ей. Как бы она была восхитительна, если бы только была жива. Почему старуха–Смерть выбрала её? И подумал: а может она вовсе и не старуха? Может, она молодая девушка?

В забытьи той ночи к нему пришла молодая, даже юная, девушка. Он знал, что это была Смерть. Она приблизилась, он протянул ей руку, но она не взяла. Глаза у неё были, как у Леры. Постояв возле него, она исчезла прочь.

Потом звучал траурный Шопен. Играли его ребята. И скорбная ладья плыла к конечному пристанищу.
Евгений нес Леру, не сменяясь. Вот куда привез он любимую. Список желанных мест отдыха, который они составляли в своей пещере, остался невостребованным.
Ладью поставили на землю. Наступили минуты прощания.
– Можно, я спою, – спросил он Станислава. И Станислав его понял…»

Евгений сглотнул подступивший к горлу ком: благодарность и сейчас заполнила его сердце.

«…Голос его срывался, захлебывался, рвался, набирая силу. Нестройно вступал аккомпанемент. Группа пристраивалась. И вот: разрозненные музыкальные звуки слились в единый мощный орган, который рыдал над ушедшей возлюбленной. А набравший силу голос, не обрываясь, летел сквозь человеческое горя вверх, в небеса. Туда, куда уходила душа.

Души стоявших у ладьи прощальной
в одном с ним всколыхнулись ритме боли.
Боль взорвала земную твердь…
То Песнь была неспетой жизни,
оборванной в расцвете лет.

Он пел песни, которые все знали. Но никогда они не звучали в этом скорбном месте. На кладбище один мотив прижился. А романсы, эстрадные песни – нонсенс. И нонсенс вызывал содроганья боли. Наверное, ни один похоронный ритм не мог сравниться с веселым ритмом этого концерта в силе боли. Евгений пел как никогда.

Рвалась Душа из плоти тела к Душе бесплотной:
– Побудь еще со мной.
– Я не могу, – бесплотная ответила душа.
– Но почему?
– Чтобы остаться – плоть нужна.
– Могу я поделиться своей плотью.
– Нельзя! Живи. Я буду ждать тебя.
– Я уничтожу плоть!
– Запрещено.
– Я поспешу к тебе.
– Всему свой срок отмерян.
– Жить без тебя я не смогу.
– Живи со мной.
– Но я в оковах тела.
– Живи душой...

Как жить дальше, Евгений не знал. Он сел в машину и поехал. Куда, зачем – не думал. Просто спрятался от всех в небольшом бункере на колесах и вперед, вперед, вперед...
Но мир достал его и здесь. Он давил его им же самим. Песни Евгения преследовали Евгения повсюду. Он слышал свой веселый голос, который издевался над ним в машине, на заправке, в кафе – везде!
– Ля–ля–ля...– неслось веселье.
Этот шляйгер досаждал особенно! Он врывался в его безысходный колпак. И колпак превращался в ККоллоКкколлл, который гремел, гремел… стуча по сердцу бравурненьким ритмом веселенькой песенки. Евгений выключил приемник. Но нет: из мелькавших мимо машин, магнитофонов гуляющих пар его накрывал ККоллоКкколлл. Евгений не знал, куда деться от собственного веселья. Сопротивляться сил не было. Он включил приемник, кричавший его шлягер, на всю громкость, обхватил руль и… зарыдал. Чем веселее заливался голос в приемнике, тем ужаснее становились рыдания в жизни. Сколько длилась эта изматывающая дуэль, он не знал. И как снова поехал, тоже не помнил.

Увидев знакомую набережную, понял, куда рвался. Здесь жизнь осветила (одарила) его солнцем счастья! Здесь он услышал о взаимности своих чувств. Лера сказала, что любит. Здесь они были счастливы. Единственный раз!
Евгений вышел из машины, и опять попал в свой веселый голос. Но уши уже не затыкал, и слез не было. Были набегающие волны Черного моря, в которых тонула его песня. Юнец, безумно жаждавший аплодисментов ради внимания любимой, умер.

– Как жить теперь? И для кого?
Молчание.
– Как быть мне без нее? Мне ничего не надо.
Молчание.
– Ни знать, ни видеть не хочу я никого!
Безмолвие!!
– Как много я ей не сказал. И не смогу…

Рвануло душу так, что он увидел смерть при жизни. Захохотал…
– Иди сюда, я жду. Возьми меня, к ней отведи… – и закричал (в душе иль наяву?): с ней быть хочу! А где? Мне все равно! Пойми и сжалься. К ней меня отправь, прошу. Молю! Я не могу быть здесь. Будь другом, помоги!
Но смерть не подошла. Ушла.

Очнулся он в палате.
– Пришел в себя! – услышал рядом.
– Где я?
– В больнице.
– Как сюда попал?
– Нашли вас без сознания на берегу.
Потом пришел спаситель–врач. И начал говорить о том, что надо сделать…
– Зачем спасли? – прервал он речь врача. – Зачем вмешались вы в мою судьбу?
– Он бредит. Это шок.
И врач сказал, что надо делать, чтоб больного вывести из шока.

Потом приехал Артем и забрал его.

На следующий день в городе появились афиши. Концерт «Прощание» Евгения Игнатенко. Название концерта и заявление певца об уходе со сцены, взбудоражило публику. Билеты были распроданы в течение полудня.
Когда на сцену вышел молодой мужчина, а не юнец выскочил, по залу пробежал шепот: «Евгений ли это?». Но первая же песня убедила всех.

– «Прощание» мы с тобой работали вместе, – сказал Евгений Лере. – Я пел, а ты проигрывала все мои песни. Твоя роль была главная, я и мой голос были фоном тебя.

«… Он и запомнил тот концерт как фильм, в котором каждая песня представляла живой эпизод. Произошло это само собой. Очень просто. Все его песни были для Леры, на «Прощании» она непроизвольно оживала в каждой.
Первая песня затопила зал обидой (хотя текст вообще–то был совсем о другом). Но Лера тогда его даже не замечала. Он чувствовал себя оскорбленным, униженным юнцом. И хоть выскочил юнец на сцену, чтобы она увидела его и услышала, в песне разливалась обида…».

– Ты не понимала моей обиды и смотрела удивленно. А может, возмущенно: как посмел! Я действительно не имел права обижаться. Ты была женой моего педагога! Но от этого становилось еще обидней, – улыбнулся он портрету.

А в той любимой всеми бравурной песенке усиленно являл свои достоинства, как он хорош! А костюм еще лучше! Лера смеется и соглашается со всеми его достоинствами.
И Лера с хитрецой, но восхищенно улыбалась.
В другой песенке он каверзно ей намекал, что у него имеются поклонницы. И прозрачно намекал, что пользуется успехом не меньше, чем Станислав. Лера, повернувшись вполоборота, кокетливо улыбалась. Это было так непривычно!
А потом он клялся в любви, которая всю жизнь не иссякнет. Лера серьезно слушала, но не верила. И ему опять было до чертиков обидно!
И он решил устрашить ее тоской, которая нападет на нее, если он влюбится в другую. Он реально хотел, чтобы ей без него было плохо – идиот! Как можно желать любимой плохое?!! Пугал, что ей будет плохо без него. Идиот! Как можно такое желать любимой?!

Она была умнее его: не принимала всерьез и шутливо подыгрывала.
Он пел, что даже когда она состарится, он не перестанет любить ее. А потом шутил, хотел развеселить. И Лера смеялась. А потом сам грустил и рассказывал ей о жуткой тоске, что его томила без нее. И он, весь из себя томленый, не знал, что делать. Лера мягко гладила его томным взглядом своих голубых глаз, и он успокаивался.
А с этой песней была совсем интересная история: он не видел Леру несколько месяцев и тосковал безумно. А она оказалась в зале. Он не мог этого представить, потому что гастроли были слишком далеко от их родного города. Узнал потом. Она сказала об этом в пещере. Ее красивые белокурые волосы были непривычно рассыпаны по плечам. Он смотрел на нее и понял, почему незамысловатая песенка вызвала у него тогда шквал непонятно–горестных эмоций. И он более не исполнял ее. Только на прощальном концерте.

Так в каждом звуке, каждом слове она… она… она… Он говорил с ней о себе, о ней: шутил, нес чепуху, страдал, рассуждал о жизни – это было нескончаемое объяснение в любви. Пел обо всем, что их связывало и разлучало. В каждой песне ее лицо: веселое,

грустное, по–детски озорное, по–взрослому опечаленное … в зависимости от восприятия песни. Его и ее восприятия не всегда совпадали. Они жили в разных измерениях. Даже тогда, когда она приехала к нему на гастроли, осталась с ним, и они не расставались; даже тогда они не оказались в одном измерении. Лера утаила истинную причину своего приезда и не рассказала о болезни.

Даже в пещере, где они решили остаться навсегда и строили планы своего будущего, она ни словом не обмолвилась, ни взглядом не намекнула, что будущего этого у них не будет. Она сидела напротив него, полуприслонившись спиной к скалистой стене, улыбалась и рисовала в своем воображении веселые живые картины, как он ловит в море рыбу, моллюсков, приносит ей улов; а она с грустью ждет его, наряжает их пещеру, готовит вкусную еду. Одежду решено было сплести из водорослей, мыться лечебной грязью… и ни с кем не заводить знакомств. Лера строго наказала, чтобы он не засматривался на русалок. Иначе она безжалостно швырнет его к ним прямо со скалы.
И вдруг она уехала. Об этом песня следом, сразу, без паузы. И песня вообще–то о другом, но в ней, веселой для других, он боль ритмично выливал. За что? И почему она так поступила: ни слова не сказала, не предупредила, не объяснила – уехала и все. Он вышел, чтобы купить для них двоих шампанское, конфеты, фрукты. Пришел… а он уже один. Вместо нее записка: «Срочно должна уехать. Прости. Люблю. Лера».

– Я тогда должен был сойти с ума, – усмехнулся он портрету. – Но желание заставить тебя мучиться, сохранило мой мозг. Прости. Я был глупый избалованный мальчишка. У меня всегда все было. А если вдруг обнаруживал, что чего–то мне не хватает, всегда знал, что получу. Мама и папа на все были готовы ради моего счастья. Если бы они могли подарить мне тебя, они, наверное, сделали бы это даже ценой своей жизни. Но есть в мире ситуации, неподвластные никому из людей. Даже самым влиятельным.

«… Тогда ему было нестерпимо больно. Так больно, что казалось нет ничего страшнее… Оказалось, что впереди было еще хуже… Теперь он знал причину, о которой тогда она ему сказать не захотела. Но тогда… свой фильм–концерт он прокрутил трижды.
Зрители смеялись, грустили, томились вместе с ним. Завершил просмотр третьей эстрадной киноленты, когда охрип. Ему и в голову не пришло, что тройное «Прощание» было не только прощанием с любимой. Он простился и с Певцом, который родился и жил в нем ради нее. Просто заклеил ему рот.

Прошли годы. Евгения забыли. Молодежь пела другие песни, у нее были другие кумиры. Его это не волновало. Он весь ушел внутрь самого себя. Так и жил один в обнимку с памятью.
Год назад к нему приехала двоюродная сестра. Привезла дочку. Стала просить сделать ее эстрадной певицей. Он слушать не хотел. Но сестра оказалась настойчивой. Подсовывала запечатления его славы: афиши, газеты, диски.
– Тебе не надоело таксовать?!

Так появилась на эстрадном небосклоне Клавдия. Мало кто знал, что это ученица Евгения, и никто не знал, что она его племянница.
Он посмотрел на старый городской телефон, который состарился в одиночестве, без интригующих бесед. Набрал старый не забытый номер.
Они поздоровались: пожилой учитель и уже не молодой ученик.

– Я согласен дать интервью, – сказал Евгений. – Пусть Ваш талантливый журналист приходит. – Они перебросились еще несколькими фразами, и Евгений обратился к Учителю: – Станислав Викторович, я бы очень хотел встретиться с Вами. Если возможно. Хочу набрать учеников и создать школу. Мне нужен совет. Не знаю, с чего начать…

И ему показалось, что Валерия улыбнулась.

На следующий день в дверь позвонили. Евгений открыл. Мальчишка–репортер с концерта Клавдии широко улыбался…до узнавания. А когда узнал того, кому вчера нагрубил, покраснел, растерялся, забыл заготовленную фразу. Он был так молод, Евгений не смог сдержать улыбку.
– И что Вы хотите узнать, молодой человек? – спросил он юнца, когда они разместились в комнате.

Тележурналист взял себя в руки, строго задал серьезный вопрос:
– Как вы думаете, Ваша ученица может стать Звездой?
– Смотря, ради чего она вышла на сцену.
– Петь, – не совсем твердо проговорил парень, стараясь ухватить смысл сказанного.
– Для чего петь? Или ради чего?

Молодой тележурналист ощутил свой возраст, который не накопил еще мудрости, и покраснел.
– Все певцы поют, – продолжил Евгений, улыбнувшись. – Хуже/лучше – я не об этом. Я о смысле выхода на сцену. Один поет для зала и старается угодить любыми способами. Другой – поет для себя! Третий – только ради денег. Четвертый – потому что не может не петь. Пятый…– ради любви, чтоб она услышала и ответила. Причин много. Каждая пробуждает свою песню.
– Я думаю, что Клавдия…
– Вы никогда не узнаете истинный посыл ее пения, пока не окажетесь в ее душевной ипостаси.
– А Вы… ради чего пели? Ушли на пике славы… Почему? – спешил репортер.
– Обо мне не будем. И… ваше время вышло, молодой человек.
– Как?!
– На сегодня хватит. Остальное потом, если свидимся.

Проводив репортера, Евгений подошел к портрету Валерии.
– Песнь моя неспетая… Твоя Песнь тоже не была спета. Никогда не пойму, почему? Хотя мало кому удалось спеть песнь свою в задуманной тональности…

– Я песнь неспетую свою
в иной тональности спою…

Кто знает, что такое Песнь души?
Это мелодия, крик сердца, шепот, гнев
иль что иное…
У каждого свой голос,
Песнь своя.
Обязан каждый ее спеть?
Но как? Когда?
И спета ли она,
Сказать хоть кто–то может? ...